

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Проблемы интеллигенции в современном мире приобрели огромное значение. «В нашу эпоху, когда наука превращается в непосредственную производительную силу, интеллигенция все больше пополняет ряды работников наемного труда,— говорится в Документе московского международного Совещания коммунистических и рабочих партий.— Ее социальные интересы переплетаются с интересами рабочего класса, ее творческие устремления сталкиваются с интересами хозяев — монополистов, для которых прибыль превыше всего. Хотя имеется существенная разница в положении различных групп интеллигенции, все большая ее часть вступает в конфликт с монополиями и с империалистической политикой правительств».

Еще острее конфликт передовой интеллигенции с империализмом и его прислужниками в странах третьего мира. Прогрессивные интеллигенты молодых освободившихся стран — носители пробудившегося национального самосознания, активные участники освободительного движения, строительства независимой государственности, экономики и культуры. Важным и действенным отрядом афро-азиатской интеллигенции, завоевавшим признанный и прочный авторитет в массах, являются деятели коммунистического и рабочего движения в освободившихся странах.

ЧЕРНЫЙ ОРФЕЙ ВЫБИРАЕТСЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДУХОВНОЙ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ

Социалистическая ориентация ряда независимых государств Азии и Африки сыграла серьезную роль в процессах духовного возмужания интеллигенции.

Воздействие марксистско-ленинской идеологии, теории научного коммунизма, многогранного политического, социально-экономического и культурного опыта мирового социалистического содружества, и прежде всего Советского Союза, становится все значительнее в третьем мире. Оно помогает передовой интеллигенции афро-азиатских стран выбрать правильный путь дальнейшего служения своему народу.

Редакция журнала публикует ряд статей, в которых знакомит читателя с современными проблемами интеллигенции в странах Азии и Африки, с ее сегодняшним днем и социальными перспективами.

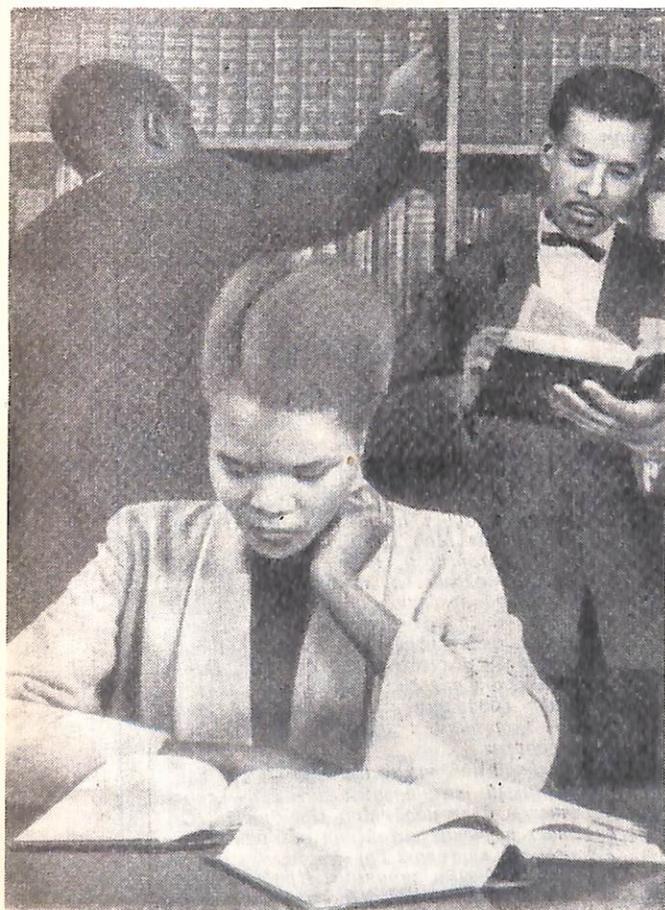
ОБРАЗОВАННЫЙ африканец в колониальных условиях сталкивался с самыми бесчеловечными противоречиями буржуазного общества. Возможность овладения предметным содержанием культуры, овладения ею изнутри, а не только формального, академического, знакомства с нею в этом обществе неизбежно связывалась с отношениями собственности, в которых африканец всегда оказывался не хозяином, а слугой. В реальной жизни африканец — образованный или необразованный — становился жертвой отчуждения, оставался обездоленным. Но даже и материальная обеспеченность не давала ему социальной свободы. Он мог рассчитывать только на узкий мирок своей колониальной ячейки.

Возможность «самовыражения» образованной верхушки состояла лишь в совершенствовании той машины, суть и цели которой ей были совершенно чужды. Ее судьба по-прежнему находилась в чужих руках, что конкретно выражалось в зависимости от призола колониальных властей. Волшебный «сезам» европейской цивилизации оставался мертвым звуком, приобщение к ней оказывалось мнимым. Все усваиваемое интеллигенцией богатство теоретических и художественных достижений чужеземной культуры не могло устранить ее действительной обездоленности, обеспечить ей полноценное приобщение к обществу — европейскому или «колониальному». Африканский интеллигент, оторванный от своего патриархального общества, от своей общины и своего племени, не обретал другой среды, оказываясь во власти мучительных противоречий.

Идеологическое насилие и отчуждение принимало весьма конкретную форму в практике усвоения иностранного языка. Языковая проблема становилась особенно драматичной в африканских колониях (прежде всего франкоязычных), так как местные африканские языки не признавались (а в большинстве случаев еще и сейчас не признаются) как языки образования подрастающего поколения, языки общения и культурного развития. Всякая культура, всякое образование преподносились только через

посредство языка метрополии, что приводило к целому ряду тяжелых культурных и психологических последствий. Язык из средства общения и получения информации превращался в самоцель, тем более недостижимую, чем больше колониальный учащийся стремился к его овладению как залогом и свидетельству успеха.

«Трудно представить,— пишет африканский критик Полин Унтонджи,— насколько мучительно быть обязанным выражать себя на языке, в котором не чувствуешь себя хозяином, быть вынужденным придерживаться тех норм, которые навязаны тебе извне с видом вызывающего превосходства, почитать язык до такой степени, что он превращается в предмет обожествления». Язык, как и европейская культура вообще, становился предметом бес-

ИЗ ТЬМЫ

Б. ИЗАБЕЛИН

А Ф Р И К А Н С К О Й И Н Т Е Л Л И Г Е Н Ц И И

конечного формализованного усвоения — процесс, в котором колониальный студент никогда не мог достичь безоговорочного успеха, так как ему было отказано в праве творческого применения этой культуры и языка.

Все эти меры воздействия были направлены на то, чтобы превратить «негра» в покорного исполнителя чужой воли, слугу, ориентирующегося на своего хозяина в качестве модели поведения, модели, оказывавшей тем более фальшивой, что для самого хозяина нормы «европейской культуры» служили циничным прикрытием его своекорыстных мотивов. Всякий вариант колониализма — косвенное управление, изобретенное лордом Лугардом, или «ассимиляция» в духе формальных идей французской революции — воспринимался как бесчеловечная систе-

Африканская молодежь тянется к знаниям.

ма, направленная на подавление свободы и самостоятельности подчиненного населения. «Если они изображали дело так, будто принимают африканца в свои ряды, — писал африканский критик Аджаджи, — то только для того, чтобы уничтожить его культуру. А если они притворялись, будто снисходят до его культуры, то только потому, что не могли принять его как равного... Они уничтожали его самоуважение, чтобы таким образом обесчеловечить африканца, чтобы обесценить людские ресурсы Африки».

Такие условия породили целый веер отношений: от слепого принятия норм западной культуры до полного отталкивания от них во имя возвращения к нетронутой чистоте патриархального мира. Вся эта гамма настроений находила яркое выражение в художественном творчестве. Мучительное ощущение пустоты, тоска по идеалам, духовному общению — вот частые мотивы африканской поэзии в годы первоначального пробуждения. «Что я такое? — одинокий человек в белой тюрьме. Одинокий человек против белых выкриков белой смерти...» — пишет Эме Сезэр в своей поэме «Дневник возвращения на родину», ставшей символом настроений африканской интеллигенции.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в случае устойчивости колониальной системы описанные психологические терзания оказались бы лишь одним из литературных течений, в которое колониализм позволял изливаться чувствам угнетенного населения. Эти терзания могли быть уравновешены системой соответствующей духовной компенсации, равно как и кастовыми привилегиями, апологетическими или циничными признаниями «реальности» насилия. Колониальные власти могли бы иметь дело по-прежнему не с народом, а с небольшой, покорной им образованной верхушкой. Но этому помешал целый ряд факторов. Главным из них и определяющим можно считать успешное развитие первой на земном шаре страны социализма, рост влияния социализма во всем мире. Революционные изменения оказывали несомненное воздействие и на положение в колониях, приводили к неустойчивости колониальных режимов, подрывали возможную готовность «вспомогательной элиты» приспособиться к ним, вливая новые силы в массовые движения протеста. История содействовала осуществлению заветных и страстных стремлений африканских политических и культурных деятелей, которые вплоть до второй мировой войны оставались нерешительными.

Важным предварительным этапом и условием развертывания освободительной борьбы была «духовная деколонизация» интеллигенции, освобождение ее от внутренних комплексов, от тех форм воздействия, которые сковывали проявление творческих сил африканцев, преодоление «эмоционального паралича». Как говорил Ф. Фанон, «нужно было любой ценой уничтожить мифический образ негра». В условиях колониального насилия этот процесс происходит подчас весьма драматично, превращается в мучительный «крик души». В поэзии и литературе, в идейных построениях во весь голос зазвучала тема страдания людей с черной кожей, но страдания, которое находит выход в возмущении, неадекватности ко всему, что связано с угнетением, в стрем-

лении «издать громкий негритянский вопль», по выражению Эме Сезэра.

Неизбежный вопрос, возникавший перед африканской интеллигенцией, заключался в следующем: в какой сфере, в чем мог найти себя африканец, недоложный своим положением, своими силами, своими способностями. Эта сфера самоутверждения, «бытия для себя» определялась, конечно, не произвольностью прихоти, не идеологическими изысканиями и не биологическими свойствами личности, а социальными условиями и отношениями, складывавшимися вне и независимо от сознания африканца, образованного или необразованного.

И перед представителями образованных слоев открывались разные пути поисков социальной ориентации. Некоторые объединились с теми силами в африканском обществе, которые боролись за ниспровержение колониального режима и решительное преобразование самого африканского общества, освобождение его от косных обычаев и традиций. Но влиятельная часть оппозиционной африканской интеллигенции примкнула к тем привилегированным слоям, которые складывались в африканском обществе и которые усматривали в устранении колониального режима возможность для проявления своего «присутствия». Здесь и обретает романтически настроенная интеллигенция свой мир, сферу «бытия для себя». Стремление обосновать свое приятие тех отношений, которые уже созревали в обществе и которые давали вполне надежное место и статус и для самой интеллигенции, привели к созданию теорий «африканской самобытности», «негритюда» или «африканского социализма».

В 1947 году Жан Поль Сартр написал свое знаменитое эссе «Черный Орфей», в котором от души приветствовал появление нового художественно-эстетического течения — «негритюда» и давал ему обоснование вполне в духе экзистенциалистских рекомендаций о признании человеческого страдания — в данном случае страданий людей черной расы — как основы реальности. Он приветствовал «негритюд» как стремление опрокинуть абсурдные вымыслы колониальной идеологии, как стремление обрести свободу самовыражения. Но и для Сартра важен был принцип самоутверждения, а не данная ситуация. А ситуация казалась ему явно переходящей: «Еще один шаг, и «негритюд» тоже совершенно исчезнет. Это было лишь древнее и сокровенное волнение черной крови. Сам негр оказывался географической случайностью, непостоянным продуктом общей цепи причинности».

Уже само «возвращение на родину» оказывалось нередко совершенно не таким, каким оно представлялось африканскому интеллигенту в («европейской ссылке»). Его глаза жадно искали, но не находили, по словам Сенгора, «царства детской мечты». Со старыми иллюзиями приходилось расставаться. И даже из уст бывших апологетов «негритюда» — Эме Сезэра или Альюна Диопа — все чаще можно услышать признания, похожие на панихиду по прежнему чаю.

В новых условиях, в условиях существования независимых государств, оказывалось, что прежние теории начинают выполнять принципиально иную роль. В этих теориях, утверждавших своеобразие и единство африканцев на основе тех или иных культурных признаков, присутствующих будто бы исключительно в Африке, зашифровывались реальные отношения резкого внутрисоциального разделения, жесткой социальной иерархии. По иронии судьбы стремление освободиться от психологического угнетения чисто культурными средствами привело к

тому, что освобождение достигалось лишь для небольшой образованной и привилегированной элиты, оправдывавшей собственными внутренними терзаниями отказ от заботы о своем народе. Народными нуждами и исканиями должны были заняться другие политические деятели, формировавшиеся среди пробуждающихся народных масс города и деревни, способные призвать эти массы к действительным социальным преобразованиям.

Просвещение по-пекински

В Китае проводится реформа школы. В соответствии с проектом реформы, опубликованным в «Жэньминь жибао», система образования будет полностью перестроена в духе «идей» Мао Цзэ-дуна.

Уроки китайского языка в начальной школе предполагается посвятить изучению политической лексики, и самый предмет назван «родной политической языком». Помимо языка, будет изучаться «революционная литература и искусство», математика. Большое внимание уделено «трудолюбивому перевоспитанию» (дополнительно к учебным занятиям — 35 трудовых дней в год) и «военному спорту».

В учебной программе средней школы значится новый специальный предмет — «воспитание в духе идей Мао Цзэ-дуна». Он включает изучение китайской истории XIX—XX веков и историю борьбы между двумя внутрипартийными линиями». Продолжается начатое в начальной школе изучение «революционной литературы и искусства» и «китайского политического языка».

Проект новой школьной программы полностью исключает историю древнего Китая, классическую китайскую литературу и всякое знакомство с внешним миром (всеобщая история, зарубежная литература, география планеты). Изъято изучение иностранных языков. Все это названо в проекте «излишним знанием». Срок обучения в школах сокращен с 12 до 9 лет. Тем не менее на учебу отводится лишь 60 процентов времени, остальное уходит на труд, спорт, политические зачатия и т. п.

Ликвидируется государственная характеристика школ, они передаются в ведение «народных коммун». Предполагается существенно изменить преподавательский состав. Учителя, признанные «классовыми врагами», будут заменены крестьянами, солдатами, кадровыми партийными работниками. В каждой школе организуется специальная «лекторская группа» из состава местных активистов. Учителю вменяется в обязанность неперемное участие в производственном процессе.